

Жураковский Е. О характерах: (Критико-психологический очерк: X-XX) // Богословский вестник 1909. Т. 2. № 7/8. С. 461—489 (3-я пагин.).

О ХАРАКТЕРАХЪ.

(Критико-психологический очеркъ Евгения Жураковского) ¹⁾.

Х.

Въ классификаціи характеровъ задача заключается въ томъ, чтобы опредѣлить психологическую природу каждой группы основныхъ и сложныхъ характеровъ, описать ближайшія разновидности, свойственные этимъ группамъ, и къ психологическимъ схемамъ присоединить примѣры. Между описываемыми формами характеровъ не будетъ рѣзкихъ границъ, многія черты будутъ общими нѣсколькимъ группамъ, такъ какъ въ психологической области, какъ и вообще въ природѣ, нѣть скачковъ и строгихъ разграничений. Примѣрами будутъ служить типы, т. е. художественные обобщенія, разрѣненныхъ въ дѣйствительности характеровъ, въ отдѣльныхъ конкретныхъ индивидуальныхъ образахъ. Являясь замѣстителями цѣлой группы однородныхъ характеровъ, они рѣдко заключаютъ въ себѣ всѣ основные ихъ черты и не могутъ служить полной обрисовкой описываемой группы; съ другой же стороны въ литературныхъ типахъ рѣдко наблюдается психологическая законченность и цѣльность, которая позволяла бы всецѣло пользоваться ими, какъ объяснительными иллюстраціями, и большею частью приходится имѣть въ виду лишь нѣкоторыя черты, съ достаточною рельефностью обрисованныя въ приводимомъ литературномъ образѣ,—вопросъ поэтому лишь въ томъ, чтобы установить твердые психологическія основанія для ориентировки въ безчисленномъ разнообразіи сложной дѣйствительности.

¹⁾ Продолженіе. См. „Бог. Вѣстн.“ Іюль—Августъ. 1908 г. стр. 509—534.

Низшую форму въ классификациі характеровъ представляютъ чаше всего наблюдаемыя въ жизни импульсивныя натуры, психофизической стороной которыхъ является сангвиническій темпераментъ. Характереология опредѣляетъ эту группу отрицательными чертами. Слабыя мимолетныя раздраженія находять себѣ соотвѣтствія въ ничтожныхъ по силѣ и скоропереходящихъ ощущеніяхъ, мимолетныхъ чувствахъ, безсвязныхъ представленияхъ и поступкахъ исключительно рефлекторнаго характера. Волненіе данной минуты, не находя противодѣйствія ни въ другихъ чувствованіяхъ, ни въ связанныхъ съ ними прочно ассоціированныхъ представленияхъ, реализируется непосредственно въ дѣйствіяхъ, энергія которыхъ немедленно истощается. Слабые элементы личности не объединены въ достаточной степени, чтобы создать вполнѣ опредѣленную индивидуальность. Отличительною особенностью этой формы характера является разъединеніе духовныхъ элементовъ безъ опредѣленнаго преобладанія эмоціональныхъ, волевыхъ или интеллектуальныхъ процессовъ. Стремленія вызываются первыми случайно попавшимися обстоятельствами и свободно и ирраціонально развиваются, безъ противодѣйствія другихъ внутреннихъ стремленій. Порывъ, вспыхнувшій внезапно по какому нибудь самому ничтожному обстоятельству, нарушаетъ психическое равновѣсіе внутреннихъ силъ, является импульсомъ для поступковъ и вдругъ при самомъ незначительномъ поводѣ совершенно неожиданно круто измѣняется и приводить къ дѣйствіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ первыми. Отличительные психологическія черты этой формы характера—отсутствіе умственного контроля и волевыхъ процессовъ задержки. Поэтому сильная и быстро переходящія ощущенія вызываютъ неправильныя истолкованія, что въ интеллектуальной сферѣ приводить къ господству иллюзій надъ трезвыми и правильными представлениями,—въ области чувствованій къ чрезмѣрнымъ колебаніямъ, неустойчивости и непостоянству, а въ волевой сферѣ къ всевозможнымъ сумасброднымъ поступкамъ.

Геній Шекспира извлекъ изъ реальныхъ чертъ этой формы характера данные для завязки трагедіи „Король Лиръ“. Импульсивныя черты составляютъ основу характера Лира. Ослѣпленный лестью Лиръ приводить въ исполненіе своей сума-

сбродный замыселъ вопреки голосу трезваго разсудка, говорящаго устами Кента, и вопреки прежнимъ чувствамъ и отношеніямъ. Трагическая послѣдствія и характеръ раскаянія обнаруживаются въ Лирѣ основныя черты импульсивной натуры.

Въ характерѣ Гамлете не мало импульсивныхъ чертъ соответственно тому, что въ его темпераментѣ много сангвиническихъ элементовъ. Выражаясь преимущественно во 2-ой сценѣ, при театральной постановкѣ искусственно придуманной Гамлетомъ пьесы, въ его разговорѣ съ матерью и въ отношеніяхъ къ придворнымъ,—импульсивные черты его характера дали многимъ извѣстнымъ критикамъ ложный поводъ считать его ненормальнымъ ввиду его притворного сумашествія. Импульсивность является, конечно, только одной изъ второстепенныхъ чертъ въ образѣ Гамлета.

Основными условиями, служащими для возникновенія и развитія этой формы характера, являются—отсутствіе воспитанія, беспорядочная впечатлѣнія дѣтства, не развивающія глубокихъ чувствъ, не внушающія руководящихъ началъ и не возбуждающія цѣлесообразной энергіи. Особенного развитія достигаетъ эта форма характера въ сферѣ беззначалія и произвола.

Эпоха крѣпостничества и атмосфера темнаго царства, не давая живительныхъ соковъ для развитія нормальной индивидуальности, служили колыбелью для сформированія импульсивныхъ натуръ.

Между представителями импульсивнаго характера есть типы высшаго порядка, у которыхъ внезапно возникаютъ живыя и сильныя впечатлѣнія безусловнаго достоинства, но такъ какъ этотъ характеръ дѣйствуетъ только подъ коротковременнымъ вліяніемъ импульса, то они также неожиданно проходятъ, погружая опять личность въ обыденную инерцію. Нѣть опредѣленной профессії, которая бы была по преимуществу сферою дѣятельности импульсивныхъ характеровъ. Выборомъ ихъ профессіи руководитъ случай, и они всюду и всегда вносятъ съ собою капризъ, смуту и беспорядокъ.

Сангвинический темпераментъ есть попреимуществу темпераментъ дѣтей и импульсивный характеръ умѣстенъ только въ дѣтскомъ возрастѣ.

XI.

Отъ импульсивныхъ формъ характера наблюдается постепен ный переходъ къ низшимъ формамъ эмоциональной группы, психо-физической стороной которой служить меланхолическій темпераментъ. Сильныя, но медленныя разсужденія, расходуясь всецѣло въ первыхъ чувствительныхъ волокнахъ, производятъ медленныя и сильныя реакціи въ органахъ внутренней жизни, слѣдствіемъ которой являются эмоціи. Въ низшихъ формахъ этой группы преобладаютъ эмоціи, тѣсно связанныя съ ощущеніями и находящіяся въ прямомъ отношеніи къ органическимъ возбужденіямъ. Эти простыя чувства находятся въ полной зависимости отъ внѣшнихъ стимуловъ окружающей дѣйствительности. При переходѣ къ болѣе возвышеннымъ характерамъ этой группы наблюдаются эмоціи болѣе высокаго порядка, образуемыя изъ сплетенія простѣйшихъ чувствованій, отъ группировки которыхъ зависятъ настроеніе и вкусы, опредѣляющіе индивидуальность. Эти сложныя чувствованія возникаютъ въ связи съ теченіемъ интеллектуальныхъ процессовъ, возбуждая эстетическія эмоціи и художественные, богатыя внутреннимъ содержаніемъ, волненія, въ которыхъ органическія возбужденія играютъ уже самую незначительную роль.

Въ самыхъ высшихъ формахъ эмоциональной группы характеровъ возникаютъ сложныя чувства, объединенные теченіемъ непрерывнаго преемства, различающіяся по качеству и по быстротѣ процесса.

Послѣдовательное чередованіе чувствъ обогащаетъ не рѣдко умственный міръ индивидуальности альтруистическими стремленіями и идеалами.

Низшую разновидность эмоциональной группы характеровъ представляютъ „смиренные“ типы. Отличительными чертами ихъ служить—безотвѣтственность, отреченіе отъ собственной личности, отсутствіе проблесковъ иниціативы и мысли.

Они живутъ съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами, далеко скрытыми въ этихъ загнанныхъ личностяхъ. Эти натуры вѣчно чувствуютъ свое ничтожество и проводятъ жизнь въ постоянномъ трепетѣ, въ состояніи вѣчнаго беспокойства и робости, т. к. малѣйшія неудачи ихъ безгранично потрясаютъ. Ихъ поступки отличаются не постоянствомъ, легко подгоняются подъ официальныя тре-

бованія ихъ положенія и находятся во власти суровой и угнетающей ихъ дѣйствительности, и только въ глубинѣ души ихъ неугасаемо теплится огонекъ протеста, робко проявляемый въ минуты меланхоліи и мечтательности, такъ свойственная этому характеру.

Могучій талантъ Достоевскаго съ художественною силою и глубиною психологического анализа изобразилъ ихъ въ незабвенныхъ образахъ „Макара Алексѣевича Дѣвшушкина“, господина „Голядкина“ и въ повѣсти „господинъ Прохарчинъ“. Смиренная, загнанная, забитая душа Дѣвшушкина проявляется въ письмахъ „къ Вареньку“. Въ моментъ раздвоенія слабаго, безличного и необразованнаго Голядкина, растроенная фантазія его забитаго существа воплощаетъ въ своеемъ двойникѣ тѣ черты искательства, пронырства, противъ которыхъ возмущается его натура, но благодаря которымъ, какъ онъ наблюдалъ, выбиваются нерѣдко люди изъ состоянія загнанности и забитости.

Вѣчная боязнь пожаровъ, болѣзней, внезапныхъ увольненій отъ службы преслѣдуетъ „Прохарчина“. Неотразимо горькая мысль о необезпеченности его положенія вызываютъ решеніе копать подъ туфякомъ деньги и, наконецъ, сводить въ могилу этого загнаннаго человѣка, здоровье котораго не переноситъ постоянной тоски, страха и смиренія.

— Условія, наиболѣе способствующія возникновенію и развитію этой формы характера, вся жизнь котораго сводится къ непрестанному изныванію слабаго сердца, имѣютъ по преимуществу мѣсто въ русской жизни. Воспитаніе въ духѣ смиренія и безотвѣтности, обиды и униженія безъ ропота притерпѣваемыя съ ранняго дѣтства, забивающія уваженіе къ своей личности и затемняющія мысль о своемъ правѣ, составляютъ главное семейное условіе, окружающее ихъ съ дѣтства. Офиціальная основы чиновничьей жизни, парализующія и уничтожающія слабую личность силою непреоборимаго механизма, являются соціальными условіями, благопріятствующими развитію смиреннаго типа. Иллюстраціей къ этой формѣ характера являются также пассивные и безотвѣтные женскіе типы Островскаго, обезличенные и загнанные непрестаннымъ давленіемъ деспотизма и самодурства, съ забитой волею и съ слабымъ развитіемъ умственныхъ способностей.

XII.

— Другою разновидностью эмоциональной формы характера, уже более сложной и возвышенной, являются художественные натуры и *артисты* въ области искусства. Облекая въ художественную форму эстетическую и интеллектуальную эмоціи въ ихъ преемствѣ и совокупности взаимодѣйствія, при посредствѣ просвѣтленного талантомъ сознанія, эти служители искусства пробуждаютъ возвышенную эмоціи въ людяхъ, просвѣтляютъ и облагораживаютъ стихійныя ихъ страсти, способствуя высшему развитію душевнаго склада.

Живое воображеніе въ этой формѣ характера находится въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ артистическими эмоціями и страстями. Отдѣльная чувствованія находятся въ ассоціаціи съ другими, обогащаются вліяніемъ идей и воспоминаній и резюмируются въ гармоническихъ сочетаніяхъ, облекающихъся въ формѣ звуковъ, красокъ и образовъ, смотря по преобладанію зрительныхъ или слуховыхъ ощущеній. Эти ощущенія доставляютъ чисто физіологическое удовольствіе, а затѣмъ пріобрѣтаютъ характеръ наслажденій художественныхъ. Удовольствіе облекать воодушевляющія чувства въ эстетическую форму составляеть основу этихъ характеровъ. Въ образѣ отца „Неточки Невздановой“ Достоевскій изображаетъ такую форму характеровъ, которая составляеть переходъ отъ смиренного типа къ артистическому. Заключая въ своей душѣ всѣ черты загнаннаго, забитаго и униженнаго существа, несчастный старикъ превращается въ могучаго самобытнаго творца въ тѣ минуты, когда онъ облекаетъ въ волшебные звуки музыки горькія волненія измученной души. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ, благородный старикъ „Леммъ“ изъ „Дворянскаго гнѣзда“ представляетъ яркую иллюстрацію серьезной артистической натуры.

— Ихіологію этой формы характера, при спеціальномъ, исключительномъ условіи атрофіи отъ рожденія зрительныхъ воспріятій, воплотилъ въ художественный образъ В. Г. Короленко въ „Слѣпомъ Музыканѣ“. Общія черты этихъ типовъ заключаются въ богатствѣ настроеній, въ многообразіи и глубинѣ чувствъ, элегантности внутреннихъ волненій, художественно выражаящихъся въ эстетической формѣ въ

сферъ искусствъ. — Высшую разновидность эмоциональной группы характеровъ представляютъ самоотверженныя натуры, особенно часто встрѣчающіяся среди женщинъ. Это пассивные мученицы альтруистическихъ заботъ о ближнихъ, живущія преимущественно сердцемъ и питающія отвращеніе къ холодному разсудку. Вся жизнь ихъ представляеть рядъ подвиговъ ради счастья окружающихъ. На пути жертвованія они выказываютъ свои душевныя достоинства, рѣдко цѣнныя и часто эксплуатируемыя людьми. Въ действіяхъ самопожертвованія эти формы характера находять цѣну жизни, смыслъ существованія, то, что возвышаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Они—героини будней. Эти формы характера развиваются обыкновенно среди неблагопріятныхъ жизненныхъ условій.

Частыя огорченія, невозможность проявленія эгоистическихъ склонностей, вслѣдствіе или чуждой обстановки, или неблагопріятныхъ материальныхъ условій, внутренняя замкнутость и обиліе случаевъ для проявленія сочувствія и состраданія, тяготы и жизненныя затрудненія, вырабатывающія терпѣливость и выносливость,—служать обычными условиями благопріятствующими развитію этой разновидности эмоционального характера. Достоевскій обрисовываетъ чудный образъ „Сони“, облегчающей душевныя муки „Раскольникова“ послѣ совершенаго имъ преступленія.

Толстой задушевными чертами описываетъ развитіе самоотверженного характера „Сони“, воспитанницы въ семье Ростовыхъ, среди неблагопріятныхъ для нея семейныхъ условій.

Частную разновидность эмоционального характера представляеть группа индивидуальностей, проявляющихъ себя въ одномъ пунктѣ, во всѣхъ остальныхъ остающихся безличнымъ существомъ. Такой душевный складъ часто встречается среди женскихъ натуръ. Исключительное преобладаніе одной или немногихъ специальныхъ эмоцій характеризуютъ всю личность. Господствующая эмоція завладѣваетъ существомъ, которое, безъ борьбы, легче отказывается отъ жизни, чѣмъ поступается объектомъ своей страсти.

Кроткая, пугливая, слабая, безъ мысли и воли, „Офелія“ только потерю своего разсудка можетъ реагировать на разочарованность „Гамлета“.

XIII.

Нерѣдко интенсивныя эмоціи и страсти вызываютъ непреодолимую потребность дѣйствій и въ этихъ случаяхъ наблюдалась переходъ отъ формы чисто эмоционального характера—къ сложной эмоционально-активной формѣ, въ этомъ случаѣ психо-физической стороной натуры является темпераментъ, занимающій промежуточное мѣсто между меланхолическимъ и холерическимъ темпераментами. Эти формы характера возбуждаютъ опасенія, если сильныя эмоціи, не просвѣтленныя въ достаточной мѣрѣ яснымъ сознаніемъ, съ черезмѣрною энергию стремятся къ активности, и съ грубостью и жестокостью насилия разрушаютъ препятствія, которыя представляютъ имъ жизненныя условія. Заключая въ себѣ стихійный элементъ, эти характеры нерѣдко влекутъ къ преступленіямъ.

Среди художественныхъ образовъ Достоевскаго ни мало представителей эмоционально-дѣятельной группы характеровъ, психологическая особенности которыхъ обрисовываются вполнѣ, если устранитъ патологический элементъ, не являющійся, очевидно, характерною чертою группы, такъ какъ психическое разстройство неизбѣжно является только на почвѣ разстроиства органическаго. Тѣмъ не менѣе случаи душевнаго разстроиства, большую частью временнаго, нерѣдко наблюдаются именно въ этой группѣ характеровъ.

Являясь слѣдствіемъ черезмѣрно интенсивныхъ эмоцій, не умѣяемыхъ силою разума, стѣпная экзальтациѣ всесѣло охватываетъ личность, заглушая остальныя стремленія и парализуя другія движенія души. Это можетъ разрушительно подѣйствовать на мозговыя ткани и процессы, которымъ органически не свойственна такая усиленная дѣятельность. Поэтому среди персонажей Достоевскаго такъ часто наблюдаются психически ненормальные типы, хотя патологическая ихъ черты не составляютъ неизбѣжной необходимости.

Многіе герои „Записокъ изъ Мертваго дома“ являются литературными иллюстраціями къ этой формѣ характера.

Если въ формѣ эмоционально-активнаго характера интеллектуальные процессы достигаютъ нѣкоторой интенсивности, то представителями этой группы являются пылкіе дѣятели, отличающіеся страстью и фанатизмомъ. Глубокая чув-

ствительность, соединенная съ разумомъ, способнымъ охватить серьезныя и темныя стороны жизни, воспламеняетъ и вдохновляетъ эти характеры на горячую борьбу за идею. Эпохи общественного броженія, революціонные движенія, религіозный подъемъ духа служать благопріятными соціальными условиями для возникновенія и развитія этой формы характера.

Громкія историческія имена демагоговъ, міссіонеровъ и фанатиковъ являются конкретными примѣрами этой группы характеровъ. Отличительными чертами эмоціональныхъ дѣятелей является отсутствие опредѣленно выработанной программы, такъ какъ главными двигателями поступковъ являются эмоціи и страсти.

Въ драмѣ „Эгмонтъ“ въ лицѣ самого „Эгмента“ Гёте изобразилъ рельефными чертами могучую, пламенную, эмоціонально-дѣятельную натуру благороднаго энтузіаста, юношески вдохновленнаго любовью къ человѣчеству, жертвуящею жизнью для счастья родины.

Частную, эмоціонально дѣятельную форму характера представляютъ натуры, вся активная дѣятельность которыхъ вытекаетъ изъ изолированнаго источника одной страсти, исчерпывающей все психическое содержаніе личности. Эта страсть, обусловленная природною односторонностью личности съ теченіемъ жизни становится все сильнѣе, дѣлается преобладающею и въ концѣ концовъ является единственою характеристическою чертою, объединяющею какъ бы въ одномъ фокусѣ всѣ внутренніе мотивы и импульсы дѣйствія и поступковъ.

Въ обаятельномъ образѣ прекрасной „Дездемоны“, беззавѣтно полюбившей энергичнаго, но безобразнаго мавра Отелло тою высшею, неисчерпаемою любовью, которая въ своемъ чистомъ огнѣ поглотила всѣ другія чувства, всѣ другія склонности и привязанности. Шекспиръ вѣчными чертами съ могучею полнотою всеобъемлющаго воображенія обрисовалъ частично-эмоціонально-дѣятельную натуру, чуднобольштительную при всеисчерпывающей ея односторонности. Только сила всепоглощающей преданности вдохновляетъ „Дездемону“ объявить съ непоколебимою твердостью всему сенату Венеціи, что она, повинуясь наслѣдственнымъ чертамъ своей матери, дорожитъ болѣе мужемъ, чѣмъ отцомъ,

и признаетъ надъ собою только его волю. Умирая, невинно задушенная ослѣщеніемъ ревностью мавромъ, она винитъ во всемъ себя и только просить Эмилию оправдать ее передъ безгранично любимымъ супругомъ.

— Но не всегда, конечно, страсть, объединяющая всѣ духовныя стремленія этого характера, отличается возвышенною этическою силою. Пристрастіе къ богатству, прогрессируя постепенно, приводить къ скучности, составляющей единственный источникъ наслажденій, единственныя мотивы дѣйствій.

Разновидности подобной группы обрисованы съ неотразимымъ комизмомъ Мольеромъ въ „Скупомъ Гарпагонѣ“ въ трагическомъ, осложненномъ чертою властолюбія и отчасти идеализированномъ образѣ „Скупого Рыцаря“ Пушкина и, съ глубоко потрясающимъ юморомъ съ безпощаднымъ трагикомизмомъ въ „Плюшкинѣ“ Гоголя.

Обуреваемые страстью къ пріобрѣтенію, поработившею всѣ ихъ чувства, мысли и волю, эти типы являются иллюстраціями группы характеровъ, которые квалифицируются исключительнымъ преобладаніемъ одной эмоціи.

XIV.

— Слѣдующую группу представляеть эмоционально-умственная форма характера, психо-физической стороной которого является темпераментъ, занимающій промежуточное мѣсто между меланхолическимъ и флегматическимъ темпераментами. Эмоціи въ этой формѣ характера имѣютъ склонность вызывать интенсивные интеллектуальные процессы. Чувство, трягаясь на возбужденіе идей, не находить достаточной энергіи, чтобы расходоваться путемъ дѣйствій. Отсутствие активности есть основная отрицательная черта этой формы характера. Страсти задерживаются теченіемъ представлений и преобразовываются. Простейшія чувствованія переходятъ въ интеллектуальныя эмоціи, пылкость и порывистость чувствъ уменьшается вслѣдствіе взаимодѣйствія между сферой чувствованія и міромъ идей и представлений. Такъ какъ идеи въ этой формѣ характера вызываются по преимуществу подъ влияніемъ внутреннихъ волненій и чувствъ, то яркой чертой этой формы характера является

внутренняя сосредоточенность. Сознаніе этихъ индивидуальностей всецѣло поглощено внутренней смѣной впечатлѣній, обусловливающихъ теченіе представленій и смѣну мыслей. Въ связи съ внутренней сосредоточенностью является пассивность личности, нежеланіе вмѣшиватьсь въ ходъ событий и измѣнять ихъ теченіе. Воображеніе, органически свойственное эмоціональной формѣ характеровъ, достигаетъ наибольшаго развитія въ этой группѣ, отличаясь особенной утонченностью и богатствомъ измѣняющихся формъ. Богатство мысли и чувствъ, при недостаткѣ волевой энергіи, вызываетъ въ этой формѣ характера созерцательную наклонность. Наблюдая явленія безъ возможности, вслѣдствіе органическаго своего склада, и безъ желанія, вслѣдствіе любви къ созерцательности и наклонности къ внутренней сосредоточенности, проявлять активность,—эта форма характера лишена возможности выставлять себя дѣятельнымъ звеномъ въ ходѣ событий. Чувствуя ихъ силу и всюду видя затрудненія, не питая увѣренной и бодрой надежды на личную ініціативу, эта индивидуальность бываетъ подавлена мыслью о непреоборимости порядка вещей, и господствующій тонъ настроенія получается шессимистической. Высшими представителями этой формы характера являются поэты и тѣ мыслители, которые, въ силу субъективной природы эмоцій, составляющихъ основную черту этой группы, отличаются субъективизмомъ. Наиболѣе конкретный примѣръ этой формы характера благородная натура Шелли, озаренная лучемъ божественнаго огня, философски мечтательная, отразившая въ своей грустной поэзіи душу полную глубокихъ мыслей и тяжелыхъ страданій, душу проникнутую вѣжной любовью къ человѣчеству.

Сюда принадлежать и личности съ религіозно-нравственнымъ складомъ мысли.

„Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ“, Лиза изъ „Дворянскаго Гнѣзда“ является литературной иллюстраціей къ этой формѣ характера. Ея натура, основанная на нравственномъ чувствѣ, замкнутая въ своемъ личномъ мірѣ, поглощена мистической любовью къ Божеству. Борьба и ожесточеніе враждебны психологическому складу необладающему внѣшней energieю, и чувства находятъ себѣ

точку приложенія лишь въ религіозномъ направленіи жизни, подчиненной всецѣло традиціямъ.

Флегматический темпераментъ служитъ психофизической стороной группы интеллектуальныхъ характеровъ. Психическая медленность позволяетъ мысламъ развиваться черезъ ассоціаціи. Слабыя чувствованія не нарушаютъ спокойствія и хладнокровія необходимыхъ для размышленія.

Вся жизнь индивидуальностей этой группы подчинена основному стремленію къ удовлетворенію умственныхъ потребностей. Преобладаніе идей и представлений чисто спекулятивного направленія не даютъ импульсовъ для проявленія волевой энергіи. Вѣчный анализъ явленій, изслѣдованіе причинъ, детерминизма человѣческихъ дѣйствій, внутренней необходимости всего сущаго—парализуютъ чувствительность, раскрывая факты, какъ цѣпь неизбѣжныхъ слѣдствій въ ряду предшествующихъ причинъ. Миръ существуетъ въ ихъ глазахъ, для того, чтобы давать матеріалъ для размышлений. Жизнь ихъ нерѣдко сводится къ однообразной рутинѣ изъ боязни беспокойствъ, которыхъ могутъ помѣшать наслажденіямъ отвлеченного мышленія. Низшую форму этой группы представляютъ личности, жизнь которыхъ поглощена собираніемъ безконечныхъ коллекцій нанизываніемъ фактовъ безъ наклонности подвергать ихъ синтезу и создать научныя теоріи. Высшими представителями являются люди науки, ученые и философы.

Тургеневъ въ образѣ трудолюбиваго, лишеннаго эгоизма, „Берсеневъ“ мягкими чертами обрисовалъ представителя тѣхъ жрецовъ науки, которыми гордится русское дворянство.

XV.

Флегматический темпераментъ, осложняясь элементами холерического, служитъ органическою психофизическою стороною умственно дѣятельной формы характера. Идеи и представлія, являясь источниками аффективныхъ возбужденій, становятся стимулами поступковъ и энергичной дѣятельности.

Между тѣмъ какъ въ формѣ интеллектуального характера умственная энергія растрачивается на то, чтобы долгое время неотступно преслѣдоватъ одну и ту же задачу, бороться противъ нервнаго и физического утомленія, застав-

ляя довести до конца умственный трудъ, въ умственно-дѣятельной формѣ характера умственная энергія переходитъ въ волевую сферу, обнаруживаясь во внѣшней дѣятельности. Знаменитые исторические дѣятели являются конкретными иллюстраціями къ сказанному. Мемуары Цезаря доставляютъ обильный материалъ при характеристикѣ этой группы. Холодная предусмотрительность, неутомимость, взвѣшиваніе шансовъ за и противъ, безстрастное отношеніе къ явленіямъ, существующимъ вызывать сильныя эмоціи, трезвая разсудительность, дѣйствующая въ самые критические моменты служить отличительными чертами умственно-дѣятельной формы характера. Рибо и его школа не признаютъ за умомъ активной силы, являющейся стимуломъ энергичной дѣятельности положенія: во-первыхъ,—въ виду того, что умственные способности развиваются только съ лѣтами, то по этому активная его производительность является сомнительной; во-вторыхъ, умственная способность образуетъ вторичный поверхностный слой, а отсюда необходимо считать дѣятельность ума въ образованіи характера лишь косвенную и посредственную. Эти положенія едва ли слѣдуетъ считать правильными, такъ какъ умственные процессы могутъ служить источниками своеобразныхъ аффективныхъ возбужденій, переходящихъ въ волевыя дѣйствія.

Всякая идея заключаетъ въ себѣ импульсъ, который стремится къ осуществленію. Сила ея заключается въ томъ внутреннемъ ввшеніи, которая требуетъ активнаго проявленія. Особеною потребностью къ активности отличаются интеллектуальная чувствованія, которые, достигая опредѣленной интенсивности, могутъ противоборствовать зарожденію страстей и являться внутренними препятствіями по отношенію къ грубымъ силамъ слѣпыхъ чувствъ. Считать интеллектуальныя чувствованія за призраки, какъ это дѣлаетъ Рибо, значить впадать въ ошибку не только съ точки зрѣнія психологического опыта и наблюденія, но и съ точки зрѣнія этики, такъ какъ въ образованіи и развитіи правильныхъ и возвышенныхъ интеллектуальныхъ чувствованій заключается залогъ къ нравственному совершенствованію, секретъ того могучаго благотворнаго вліянія, которое оказываетъ литература, и тотъ основной фундаментъ, на которомъ зиждется моральное воспитаніе.

Группа умственно дѣятельныхъ характеровъ обнимаетъ собою, какъ и всѣ основныя группы, многіе разряды разно-видностей, смотря по преобладанію господствующихъ элементовъ, получающихъ перевѣсь и сообщающихъ извѣстное направлѣніе всему характеру. Въ высшій разрядъ умственно эмоциональныхъ характеровъ входятъ индивидуальности съ принципіальнымъ складомъ ума и моральнымъ направлѣніемъ мыслей и чувствъ. Внутренняя волевая энергія задерживаетъ развитіе склонностей, находящихся въ противорѣчіи съ нравственнымъ идеаломъ. Внѣшнія проявленія дѣятельности находятся въ неразрывной связи съ общимъ строемъ міросозерцанія и вытекаютъ изъ руководящихъ идей, какъ прикладная активная слѣдствія общихъ принциповъ. Психическій строй этой формы характера отличается относительно уравновѣшенностю душевныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи умственныхъ процессовъ. Въ общественной дѣятельности индивидуальности этой группы проявляютъ непоколебимую стойкость убѣжденій, самостоятельность въ дѣйствіяхъ, логическую послѣдовательность и тщательную обдуманность во всѣхъ поступкахъ. Въ обыденной жизни этотъ характеръ отличается сдержанностью, благородствомъ, предусмотрительностью и вдумчивымъ, отчасти скептическимъ отношеніемъ къ окружающимъ явленіямъ, которыя подвергаются неутомимому анализу и обстоятельной пропрѣкѣ прежде чѣмъ приведутъ къ окончательнымъ выводамъ и заключеніямъ. Въ окружающихъ людяхъ эта форма характера возбуждаетъ чаще уваженіе, чѣмъ симпатію. Основными условиями для сформированія этого характера, является рациональное воспитаніе, культурная обстановка жизни, сознательное широкое профессиональное развитіе на почвѣ общаго образованія, объединяющее всѣ стремленія въ общемъ руслѣ опредѣленной дѣятельности. Съ развитіемъ образованности и культуры число индивидуальностей этого разряда умственно дѣятельной формы характера возрастаетъ.

Его представители становятся полезными дѣятелями на разнообразныхъ служебныхъ поприщахъ въ средѣ общественнаго самоуправлѣнія. Художественной иллюстраціей этой формы характера является типъ Сергея Ивановича Левина въ романѣ Толстого „Анна Каренина“.

XVI.

Другой разрядъ этой группы представляетъ разсудочно-дѣятельный характеръ. Отличительною чертою этого разряда индивидуальностей является дѣловая разсудительность. Черствый педантизмъ, недостаточность эмоцій сочетается въ этихъ холодныхъ натурахъ съ настойчивою активностью, никогда не поддающейся ни увлеченіямъ, ни мгновеннымъ взрывамъ чувствъ, ни временными настроеніямъ.

Строгая заранѣе выработанная послѣдовательность вытекаетъ изъ сухой безжизненной программы, разъ навсегда начертанный и подчиняющей себѣ всѣ привычки и вкусы. Никакія жизненные столкновенія не выводятъ эту форму характера изъ ея сформированности; поступки всегда являются результатомъ холодной разсудительности, нерѣдко на почвѣ черстваго эгоизма, неразрывно связанного съ дѣломъ, которому они служить не какъ свободные дѣятели, а какъ вѣрные, преданные всѣмъ своимъ существомъ дѣльцы, не допускающіе ни малѣйшаго отступленія отъ формального кодекса обязанности и не считающіе нужнымъ дѣлать для жизни ни малѣйшихъ отступленій, уступокъ, и колебаний. Въ окружающихъ эти характеры не вселяютъ ни любви, ни уваженія. Нерѣдко импонирующая законность, не допускающая никакихъ послабленій, служить источникомъ боязни и трепета въ лицахъ, связанныхъ съ ними обязательными отношеніями. Основными условіями, благопріятно вліающими на сформированіе и развитіе этого характера, являются неумѣренно строгое воспитаніе, не допускающее проявленія чувствительности, вѣчное пребываніе въ сферѣ исполненія суровыхъ обязанностей и тотъ духъ карьеризма, который захватываетъ эти индивидуальности и подчиняетъ всѣ ихъ стремленія и склонности въ ранніе періоды сознательной жизни. Обычная сфера дѣятельности этого характера по преимуществу бирократическая.

Въ безукоризненно сохранномъ образѣ сановника Алексѣя Александровича Каренина, Толстой воплотилъ эту форму характера въ жизненный типъ.

Представители разсудочнаго разряда умственно дѣятельной формы характера съ опредѣленными особенностями нерѣдко наблюдаются также среди биржевыхъ дѣльцовъ и въ промышленно-торговой сферѣ дѣятельности.

Отдѣльный разрядъ группы умственно-дѣятельного характера представляютъ суровые стоики и мудрые, но холодные поборники требованій отвлеченной этики, а также adeptы многочисленныхъ религіозныхъ ученій и системъ. Активные герои самоограниченія и самоотреченія, неуклонные проповѣдники смиренія и аскетизма, являются представителями этого разряда характеровъ.

Фанатическая преданность идеѣ и суровая проповѣдь не привлекаютъ обыкновенно симпатіи, но эти люди порабощаютъ окружающихъ силою своей желѣзной энергіи и стойкимъ, неуклоннымъ слѣдованіемъ по пути самоотверженія, съ принесеніемъ въ жертву всѣхъ богатыхъ даровъ жизни и нерѣдко благосостоянія и счастья окружающихъ лицъ. Могучими штрихами Ибсенъ изобразилъ титаническую фигуру „Бранда“ съ его неумолимымъ девизомъ „все или ничего“, неотступно слѣдовавшаго по тернистому пути проповѣдничества. Послѣдовательность Бранда доходитъ до безчеловѣчной жестокости; онъ отказываетъ родной матери въ предсмертной исповѣди за то, что она не желаетъ отказаться отъ всего своего имущества; для успѣха пропаганды онъ жертвуетъ жизнью единственного сына и жены, горячо преданной ему и его идеѣ,—ихъ организмъ не выносить вредныхъ условий болотистой мѣстности и суроваго климата въ глухомъ краю, гдѣ чувствуется наибольшая потребность въ религіозно-моральной проповѣди.

XVII.

Яркую противоположность съ умственно-дѣятельной формой представляетъ группа умственно-эмоціональныхъ характеровъ, психофизической стороной которыхъ является темпераментъ, занимающій промежуточное мѣсто между флегматическимъ и меланхолическимъ темпераментами.

Характерными чертами этой группы является преобладаніе умственныхъ и эмоціональныхъ процессовъ при полномъ почти отсутствіи волевой энергіи. Отличительной чертой этой формы характера бываетъ рефлексія, которая губить органически слабую энергію, уничтожаетъ всякое наслажденіе и не допускаетъ беззавѣтно отдаваться чувствамъ.

Бесмертный образъ датскаго принца Гамлета возбуждалъ

постоянно противорѣчивыя объясненія критиковъ. Гдѣ же видѣть въ этой трагедіи „великое дѣло, возложенное на человѣка, которому не дано отъ природы силъ къ совершенію его“. Дауденъ, напротивъ, объясняетъ Гамлета, какъ натуру гарячую, пламенную, активную. Какъ ни противорѣчивы эти два основныхъ мнѣнія о загадочномъ характерѣ датскаго принца, оба они заключаютъ долю справедливости. Активность Гамлета проявляется только въ мгновенныхъ вспышкахъ, въ проявленіяхъ бурной желчной ироніи, въ его гордой, нескрываемой, но безсильной ненависти къ дядѣ. Всѣ эти волненія, переходы и колебанія „бѣснующагося, какъ вѣтеръ въ борьбѣ съ моремъ“, принца объясняются исключительно импульсивностью его натуры. На самомъ же дѣлѣ этотъ колоссальный характеръ представляетъ собою синтезъ могучаго философскаго ума, гордо парящаго надъ ничтожествомъ окружающихъ, съ чуткой, глубокой отзывчивой душой, безконечно терзающеся окружающей пошлостью, при полномъ отсутствіи духа иниціативы, съ тою слабостью воли, по винѣ которой онъ обреченъ пребывать безпомощнымъ предъ фатальнойю необходимостью проявленія волевой энергіи для разрѣшенія проблемы мести.

Тургеневъ стяжалъ себѣ заслуженные лавры въ значительной мѣрѣ художественнымъ изображеніемъ лишиныхъ людей, надломленныхъ рефлексіей, грызуновъ, самоѣдовъ, гамлетиковъ. Неждановъ изъ „Нови“, авторъ „Дневника Лишняго Человѣка“, Гамлеть Шигровскаго уѣзда съ одной стороны и Рудинъ съ другой являются художественными иллюстраціями умственно-эмоціональной формы характера, органически лишенной волевой энергіи. Эти характеры съ непреодолимою маніей къ самоанализу, углубленію въ безконечныя наблюденія надъ ничтожѣйшими измѣненіями собственной психики, съ эгоистическимъ складомъ мелкихъ натуръ, являются при излишней утонченности ума и черезъ мѣрной нервной впечатлительности болѣзненными явленіями русской жизни, дающей такъ мало простора для дѣятельности, для проявленія и развитія личной иниціативы.

XVIII.

— Третью обширную группу (послѣ эмоціональной и умственной формы характера) представляютъ характеры воле-

вые, Холерический темпераментъ является психо-физическою стороною волевой формы характера. Сильная и быстрая внутренняя жизнедѣятельность расходуется избыткомъ энергіи въ щервной и мускульной тратѣ. Расходное движение быстро возмѣщается приходнымъ движениемъ, которое передается двигательнымъ нервнымъ волокнамъ. Сильное и быстрое раздраженіе вызываетъ или двигательные эффекты, или эффекты волевой задержки. Необходимость проявленія волевой энергіи составляетъ характерную черту этой группы. Смотря по преобладанію виѣшней дѣятельности воли, или интенсивности внутреннихъ волевыхъ процессовъ, или энергичности проявленій какъ внутреннихъ, такъ и виѣшнихъ волевыхъ процессовъ, основная группа волевыхъ характеровъ распадается на три ясно дифференцированныхъ разряда.

Перевѣсь задерживающей воли характеризуетъ первый разрядъ этой группы. Самообладаніе и выдержка составляютъ отличительныя черты этой группы характеровъ. Виѣшня проявленія активной энергіи являются не какъ рефлекторные отраженія виѣшнихъ импульсовъ, а представляютъ результатъ взаимодѣйствія внутреннихъ психическихъ силъ, находящихся въ полномъ распоряженіи задерживательной воли. Поэтому нерѣдко виѣшнее обнаруженіе этой формы характера вовсе не отвѣчаетъ внутреннему психическому состоянію индивидуальности. Располагая самопроизвольно наружными проявленіями вслѣдствіе интенсивности внутреннихъ волевыхъ процессовъ, эта форма характера нерѣдко впадаетъ въ манерность и фальшивую искусственность. Обнаруживая склонности, душевное свойство, внутреннее волненіе, желаніе и дѣйствіе того характера, какой нуженъ и цѣлесообразенъ въ данный моментъ, и управляя всей координаціей психическихъ элементовъ по своему произволу, этотъ характеръ обладаетъ большою житейскою силой, возрастающей съ опытностью и часто проявляющею энергичное влияніе въ широкихъ размѣрахъ дѣятельности.

Благопріятствующія условія для развитія этой формы характера представляютъ систематическое воспитаніе, жизнь среди обстановки, вынуждающей личность неустанно быть на сторожѣ, въ средѣ, гдѣ всякая экспансивная проявленія психической жизни влекутъ за собой неблагопріятныя по-

слѣдствія, особенно способствующія развитію строгаго наблюденія за собої и постоянной самодѣятельности въ уянсонъ съ требованіями окружающей жизни.

Среди индивидуальностей, поставленныхъ жизнью въ стѣсненные обстоятельства, занимающихъ въ своей средѣ положеніе болѣе или менѣе низкое и подчиненное, какъ у Бориса Дубецкаго въ романѣ „Война и Миръ“ Толстого,— нерѣдко наблюдается этотъ разрядъ характеровъ.

Сфера, наиболѣе соотвѣтствующая психическому складу активной формы характера съ развитіемъ внутренней волевой энергіи—дипломатическая, хотя и среди другихъ сферъ дѣятельности чиновнаго и военнаго міра наблюдается этотъ характеръ.

— Болѣе оригиналный характеръ волевой группы представляютъ формы характера съ преобладаніемъ активныхъ проявленій энергіи во виѣшней дѣятельности. Въ зависимости отъ большей или меньшей интенсивности умственныхъ процессовъ, волевая дѣятельность является слѣдствиемъ или простыхъ побужденій, или имѣть своимъ источникомъ обдуманное рѣшеніе, являющееся результатомъ внутренней борьбы противоположныхъ рѣшеній. Эти психические факторы раздѣляютъ данный разрядъ волевыхъ характеровъ на низшую группу и на болѣе сложную, высшую.

Порывистая воля, являющаяся слѣдствиемъ простыхъ побужденій, твердость и настойчивость въ упорной борьбѣ съ препятствіями, неугасимая энергія и вѣчная потребность къ активности, вытекающая изъ органическаго развитія чувства дѣятельности, требующаго непрерывныхъ наружныхъ проявленій—характеризуютъ болѣе низкія формы активной группы.

Предпріимчивыя, беспокойныя, ищущія удовлетворенія въ расходованіи физическихъ силъ и волевой энергіи, нерѣдко буйныя натуры въ обыденной жизни доставляющія много беспокойствъ своею необузданностью, превращаются въ героевъ въ исторические моменты, требующіе энергическихъ проявленій кипучей дѣятельности. Литературную иллюстрацію этой формы характера наглядно представляетъ несравненный образъ Долохова изъ „Войны и Мира“, непосредственно взятый изъ жизни.

Эпоха войнъ, переселеній, внутреннихъ междуусобій вызы-

ваетъ къ дѣятельности и даетъ благопріятныя условія для обнаруживанія этихъ характеровъ. .

Примѣрами высшихъ формъ активной группы, характеризующейся дѣятельностью, которая бываетъ плодомъ нерѣдко долготѣтнихъ обдуманныхъ рѣшеній, являются знаменитые отважные путешественники, обогащающіе науку новыми открытиями.

Большею психологическою сложностью отличаются тѣ формы характера, въ которыхъ волевые процессы направлены какъ на внутреннюю, такъ и на вѣшнюю дѣятельность.

Этотъ характеръ способенъ на упорный и непрерывный трудъ, неуклонно шагъ за шагомъ слѣдя къ проведению въ жизнь и разрѣшенію на дѣлѣ тѣхъ задачъ и проблемъ, которыхъ онъ самъ воздвигаетъ предъ собою или же къ разрѣшенію которыхъ принуждаются его жизненныя обстоятельства.

Запасъ внутренней волевой энергіи представляетъ живую силу, которую этотъ характеръ располагаетъ согласно господствующимъ мотивамъ. Мотивы эти опредѣляются выборомъ, реализующимися въ сложномъ волевомъ дѣйствіи.

Этотъ характеръ отличается наибольшою стойкостью и постоянствомъ; поступки являются результатомъ равнодѣйствующей установившихся склонностей.

Второстепенные чувства находятся въ подчиненіи у преобладающихъ стремленій. Это наиболѣе цѣльная натуры, сохраняющія извѣстнаго рода независимость чувствъ и мыслей путемъ устраненія тѣхъ вліяній, которыхъ мѣшаютъ объединенію личности.

Для развитія этой формы характера нужны особенно благопріятныя условія: рациональное воспитаніе, вся задача которого въ томъ, чтобы не подавлять воли ребенка, но направлять ее къ поступкамъ, находящимся въ полномъ соответствіи съ внутреннимъ складомъ натуры; условія жизни не надламливающія энергіи, но постоянно вызывающія ее къ дѣятельности, и умственный трудъ, не допускающей болѣзненной рефлексіи и бесплоднаго самоуглубленія.

Онѣ въ художественномъ образѣ „Горнозаводчика“ обрисовали сильную натуру, обладающую внутренней волевой энергию, благодаря которой, въ связи съ неутомимой дѣятельностью, человѣкъ является кузнецомъ своего счастья.

XIX.

Этотъ разрядъ волевой группы приближаетъ къ тому характеру, который отвѣчаетъ психологическому идеалу равновѣсія душевныхъ силъ и гармонического взаимодѣйствія всѣхъ внутреннихъ процессовъ безъ преобладанія однихъ въ ущербъ другимъ. Рибо едва-ли правъ, исключая уравновѣшенный гармонической характеръ изъ основныхъ группъ классификації.

Едва-ли справедливъ его взглядъ, что уравновѣшенность является результатомъ простого приспособленія и вызываетъ дѣятельность, находящуюся въ полномъ подчиненіи у вѣшнихъ обстоятельствъ.

Опредѣляя этотъ характеръ какъ летучій, неопредѣленный, блѣдный, граничащий съ безформенными характерами, Рибо полагаетъ, что онъ не удовлетворяетъ будто бы требованіямъ единства и стойкости.

Единство характера, однако, находится въ зависимости отъ силы и постоянства общей координаціи стремленій; стойкость же характера зависитъ отъ степени самостоятельности и сосредоточенности силы воли. Слѣдовательно гармоническая форма характера не исключаетъ принципа единства и стойкости. Требовать необходимаго преобладанія опредѣленныхъ психическихъ процессовъ это значитъ съживать объемъ термина „характеръ“.

Оригинальность, опредѣляющая всякий характеръ можетъ выражаться не въ преобладаніи тѣхъ или другихъ основныхъ психологическихъ факторовъ, а въ самыхъ свойствахъ, склонностяхъ и стремленіяхъ, получающихъ то или другое направленіе, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей.

Самобытность гармонического характера не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сила вліянія обстоятельствъ и среды приспособляетъ основныя черты индивидуальности въ случаѣ недостатка силы и твердости душевного склада. Безсилье и безцвѣтность характера отнюдь не находятся въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или другихъ психическихъ процессовъ, а обусловливаются недостаткомъ интенсивности и устойчивости коренныхъ свойствъ личности.

Притомъ же психологія гармонической формы характера

не заключаеть внутреннихъ логическихъ противорѣчий. Одновременное развитіе всѣхъ основныхъ элементовъ духа не приводить къ нивилировкѣ склонностей, не уничтожаетъ индивидуальности. Гармоническое взаимодѣйствіе духовныхъ силъ совмѣстимо съ развитіемъ сильной и самобытной индивидуальности. Сложныя чувства возникаютъ въ полной связи съ теченіемъ интеллектуальныхъ процессовъ, завершаясь внутренними волевыми дѣйствіями.

Внѣшнія проявленія волевой энергіи являются результатами борьбы стремлений. Духовное разновѣсіе — опредѣляющая черта гармонического характера — выражается внѣшнимъ образомъ въ стройной гармоніи всѣхъ склонностей и въ отсутствіи экспансивности, что вытекаетъ изъ внутренняго противодѣйствія вицѣніямъ импульсамъ. Борьба чувствъ и мотивовъ, обусловленная коллизіей психическихъ теченій, разрѣщается возстановленіемъ гармоніи, присущей органически этой формѣ характера, благодаря энергическому и равномѣрному взаимодѣйствію всѣхъ духовныхъ силъ, объединенныхъ инициативою личности.

Какъ неугасимый маякъ истины, красоты и высшей правды, сіяетъ вѣчнымъ свѣтомъ образъ Учителя человѣчества, полный глубокой внутренней гармоніи, воплощенной не въ недоступной небесной вышивкѣ, а въ суетномъ водоворотѣ будничной жизни, образъ, являющійся недосягаемымъ идеаломъ совершенѣйшаго характера.

Въ изящной литературѣ являлись попытки изобразить гармонический характеръ идеальной личности. Но, отвѣчая иногда всѣмъ требованіямъ художественной концепціи и глубокой жизненной правдѣ, они не создали ни одного типа идеального характера.

Князь Мышкинъ въ романѣ „Идиотъ“ Достоевскаго при всей глубинѣ альтруистической натуры, богатствѣ и широтѣ взглядовъ и идеаловъ, послѣдовательности въ дѣйствіяхъ во всѣхъ случаяхъ жизни, — является типомъ патологическимъ и лишеннымъ того чувства обыденного самолюбія, безъ котораго нельзѧ себѣ представить нормальную личность.

По мнѣнію Тургенева, выраженному словами „Шубина“ въ „Наканунѣ“, — у насъ нѣть настоящихъ людей и только слова Увара Ивановича, что „будутъ“, и название повѣсти,

является утѣшениемъ въ этомъ пессимизмѣ. Однако его „Инсаровъ“ съ его нѣкоторыми комическими выходками, выведенными только въ однихъ приготовленіяхъ къ настоящему дѣлу, является образомъ не выдерживающимъ художественной критики.

„Соломинъ“ въ „Нови“ является съ наилучшей атtestацией отъ автора. Это дѣловой, трезвый, ясный умъ, личность съ уравновѣшеннымъ душевнымъ складомъ; въ окружающихъ его сердечное, человѣческое отношеніе внушаетъ симпатію. Онъ отличается трудолюбіемъ и его дѣятельность вытекаетъ изъ трезвыхъ, ясныхъ и нерѣдко широкихъ идей.

По замысламъ Тургенева такимъ Соломинъ долженъ быть, но на дѣлѣ онъ является ходячимъ благоразуміемъ и въ романѣ вслѣдствіе вѣчной осторожности и осмотрительности играетъ весьма двусмысленную роль.

Французскій писатель Эдмондъ Абу въ „Романѣ хорошаго человѣка“ представилъ попытку изобразить идеальную личность и идеального дѣятеля въ педагогической сфере. Фигура вышла туманная и безжизненная; отъ романа вѣеть холодной моралью и въ немъ при всей глубокой продуманности темы не замѣтно ни на юту художественного творчества, и таланта.

XX.

Хотя и невозможно указать литературный типъ, являющійся замѣстителемъ гармонической идеальной группы характеровъ, но все таки необходимо отмѣтить основныя внутрення и вѣнчанія условія, благопріятствующія сформированію и развитію этого характера.— Психофизической основой его является приближеніе къ тому темпераменту, который древніе называли „умѣреннымъ“ (*temperamentum temperatum*), заключающему въ себѣ всѣ черты основныхъ темпераментовъ въ равной пропорції. Пассивное и активное отношеніе къ жизни проявляется съ умѣренною силою и быстротой. Жизнь функционируетъ подъ высокимъ давленіемъ и общее чувство жизни отличается бодростью и свѣжестью, вслѣдствіе чего замѣчается общая наклонность къ ясному и ровному настроенію. Этотъ темпераментъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда кровеносная, нервная и мышечная системы равномѣрно хорошо организованы и функционируютъ

въ гармоническомъ взаимодѣйствіи. Фулье объясняетъ физиологическую природу этого темперамента равновѣсіемъ достаточно сильной и быстрой интеграціи съ дезентеграціей, также достаточно быстрой и интенсивной. Лесгафть видѣтъ анатомическую схему этого темперамента въ средней толщинѣ стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ и среднемъ діалетрѣ ихъ просвѣта.

Называя этотъ темпераментъ „нормальнымъ“, Лесгафть не опредѣляетъ самимъ этимъ терминомъ ни его сущности, ни его отличія отъ другихъ темпераментовъ. Чтобы отличить его и указать на его основныя черты, цѣлесообразнѣе опредѣлить его терминомъ „уравновѣшанный темпераментъ“, имѣя въ виду равномѣрную комбинацію всѣхъ основныхъ элементовъ.

Помимо особенно счастливыхъ органическихъ условій для сформированія и развитія гармонического характера, необходимы исключительно, благопріятныя условія со стороны воспитанія окружающей среды и соціальныхъ основъ жизни.

При неуклонномъ слѣдованіи основнымъ принципамъ педагогики природный органическій складъ получаетъ надлежащее гармоническое развитіе. Главнымъ руководящимъ началомъ воспитанія служить изслѣдованіе природы характера и постоянное стремленіе приблизить развитіе всѣхъ духовныхъ силъ къ возможному равновѣсію. Средствомъ для этого должна служить забота о томъ, чтобы развивались слабыя способности, доставляя имъ посильную дѣятельность, и чтобы ослаблялось чрезмѣрное развитіе другихъ сторонъ характера, устранивъ случаи ихъ дѣятельности. Безусловного метода существовать не можетъ, и, если врачебная практика дѣлаетъ тольѣ выводъ, что приходится лечить не болѣзни, а больного, то тѣмъ болѣе воспитаніе имѣеть своей задачей не отвлеченную личность, а всегда данную конкретную индивидуальность. Наблюденіе указываетъ путь, по которому надлежитъ слѣдовать. Въ дѣлѣ воспитанія гармонического характера, какъ и въ рациональной медицинѣ, надо идти только на помощь природѣ, избѣгая искусственности и только помогая тѣмъ психологическимъ процессамъ, которые не обладаютъ достаточной быстротой и интенсивностью.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчается слабое развитіе чувствительности и представляется опасность холоднаго и черстваго характера, весьма важно чтобы равнодушное и безличное отношеніе къ жизни со стороны окружающихъ не развили этихъ природныхъ наклонностей въ характерѣ воспитываемаго.

Вызывая образы, затрогивающіе чувства, поддерживая мимолетный энтузіазмъ, являющійся проблескомъ эмоціи, и расширяя экспансивную силу сердца съ отдѣльного предмета на болѣшій кругъ явленій, возможно предотвратить сформированіе характеровъ, отличающихся слабымъ эмоциональнымъ развитіемъ.

Равномѣрное развитіе внутренней и внѣшней волевой энергіи достигается заботою о развитіи природной силы воли и объ устраненіи причинъ, парализующихъ ея дѣятельность. Не ставя свою волю вмѣсто воли ребенка, что влечетъ къ слабости и неспособности проявлять личную иниціативу, не внушая мнѣнія, ослабляющаго энергію, обѣ отсутствіи значенія личности въ жизни и историческомъ ходѣ вещей, можно противоборствовать врожденной неподвижности и инертности, особенно если возбуждать чувство дѣятельности и указывать интересные стимулы для проявленія энергіи.

Внутрення сила воли получаетъ свое развитіе благодаря заботамъ, чтобы съ раннаго возраста дѣйствіе умственного контроля, явленіе задержки и самообладанія сопутствовали жизненнымъ поступкамъ.

Правильное умственное развитіе составляетъ третью основную заботу воспитанія гармонического характера. Крайне серьезно приходится относиться къ тѣмъ безконечнымъ вопросамъ, которые вѣчно бродятъ въ дѣтскомъ умѣ и выражаются на тысячу разныхъ ладовъ. Въ этихъ случаяхъ обычные шаблонные отвѣты являются источникомъ смуты въ понятіяхъ и взглядахъ, которыми руководится дальнѣйшая жизнь. Отъ нормального развитія удаляеть иногда изолированное положеніе ребенка вдали отъ сверстниковъ, вѣчное пребываніе въ условіяхъ непонятной ему жизни, среди вопросовъ, на которые онъ не можетъ найти надлежащаго разрѣшенія. Меньше зла, если ложь и фальшь жизни касается психического строя, въ болѣе позднѣй возрастѣ,

когда впечатлѣнія не налагають уже глубокаго слѣда на весь складъ личности и когда подражательность ослаблена болѣе или менѣе развивавшимися правильными понятіями. Для развитія гармонической формы характера необходимы и благопріятныя, соціальныя условія,—возможность надежды, что лучшія чувства не будутъ заглушены силою обстоятельствъ, а будутъ существенны на практикѣ.

Эпохи подъема общественного духа когда жизнь выходитъ изъ обычной подавляющей рутины и всеобщаго равнодушія къ вопросамъ общественного блага, и періоды реформъ и соціального обновленія, когда открываются новые пути для проявленія косныхъ силъ и потенціальной общественной энергіи—являются счастливыми моментами для развитія гармонического характера.

Въ эпохи же общественного застоя и *мертвящей и концептрирующей* жизнь, въ узкомъ кругѣ личныхъ и семейныхъ интересовъ, какъ въ переживаемое нами время, подобные характеры рѣдки и являются блестящими исключеніями среди безцвѣтныхъ индивидуальностей, не проявляющихъ ни духа инициативы, ни плодотворной дѣятельности, которая бы имѣла своимъ источникомъ горячія непоколебимыя убѣжденія и возвышенные общественные идеалы...

Физическая, психологическая и соціальная отношенія являются такимъ образомъ, элементами, конструирующими характеръ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи индивидуальности, подчиняющейся всеобщему закону индивидуализаціи, объединяющему вѣчные процессы міровыхъ явлений—дифференціаціи и интеграціи,—приходится рассматривать характеръ, какъ индивидуальную психологическую организацію, обладающую опредѣленной цѣльностью и относительной замкнутостью вокругъ вѣчно загадочнаго центра, дѣлающаго возможнымъ возникновеніе сознанія, представляющаго синтезъ психическихъ процессовъ личности. Направленіе въ общемъ чувствъ жизни опредѣляетъ темпераментъ, данный отъ рожденія и измѣняющейся только при коренномъ измѣненіи организаціи. Темпераментъ есть совокупность органическихъ факторовъ, опредѣляющихъ основное настроеніе и господствующее направленіе въ чувствъ жизни. Темпераментъ представляетъ фонъ, на которомъ, согласно направленію психическихъ процессовъ и

преобладанію однихъ надъ другими воздвигается характеръ. Характеръ есть совокупность основныхъ факторовъ психическихъ, регулирующихъ побужденія воли. Въ своей основѣ характеръ такъ же врожденъ и неизмѣненъ, какъ и темпераментъ. Но, осложняясь постепенно въ зависимости отъ многочисленныхъ вліяній, претерпѣвающихъ личностью со стороны внѣшнихъ явлений, характеръ подвергается неустанной эволюціи. Фазы этой эволюціи представляютъ отдѣльные эпохи въ развитіи характера, часто столь различающіеся другъ отъ друга по основнымъ чертамъ, что бѣглый, непроницательный взглядъ не можетъ уловить ихъ общей духовной основы. Но если не принимать въ разсчетъ проходящихъ черты возраста, взглядовъ дѣйствій и чувствъ являющихся отголосками окружающей семейной и общественной среды, а сосредоточить внимание на органическую родственность стремленій при замѣнѣ однихъ другими того же психологического порядка, то само собою опредѣлится общий духовный обликъ личности—ея настоящій характеръ. По вопросу о постоянствѣ характера говоритъ Овсянниковъ Куликовскій слѣдующее: „Анализируя нашъ внутренній міръ, мы легко отмѣтимъ тѣ психіческія явленія, которыя въ теченіе всей нашей жизни представляются въ своихъ основныхъ чертахъ, стойкими и относительно неизмѣнными, между тѣмъ какъ другіе постоянно измѣняются, чередуются, появляются, исчезаютъ. Первые могутъ быть названы постоянной психической величиной, а вторые переменной. Эти термины не должны быть понимаемы буквально, и нельзя признавать ихъ вполнѣ точными, потому что, строго говоря, въ душѣ человѣческой нѣтъ ничего неизмѣнного, въ ней все въ вѣчномъ движеніи. Но известная психическая явленія измѣняются чрезвычайно медленно, по каплямъ, и эти измѣненія едва доступны сознанію самого субъекта или наблюденію извѣнѣ. Есть и такія измѣненія, которыя совсѣмъ не сознаются и не подлежать никакому наблюденію въ то время, когда они происходятъ, и только ученое изслѣдованіе результатовъ ими произведенныхъ удостовѣряеть ихъ наличность. Къ числу чертъ, измѣненіе которыхъ замѣчается только по прошествіи многихъ лѣтъ, принадлежать, напримѣръ, черты индивидуального характера человѣка. Рѣзкая, быстрая перемѣна характера возможна только

при извѣстныхъ душевныхъ заболѣваніяхъ (при такъ называемомъ раздвоеніи личности). При душевномъ здоровьѣ характеръ остается въ своихъ основныхъ чертахъ относительно неизмѣннымъ, т. е. тѣ перемѣны, которымъ онъ подвергается съ теченіемъ времени, или незамѣтны, или такъ не существенны, что мы считаемъ ихъ равными нулю".

Но это коренное постоянство темперамента и основныхъ элементовъ характера не даетъ права заключать о статической, субстанціальной природѣ; характеръ является агрегатомъ психическихъ процессовъ, реализующихся въ конкретныхъ проявленіяхъ въ жизни.

Въ зависимости отъ того или другого преобладанія процессовъ является принадлежность характера къ той или другой психологической группѣ. Характеръ обязанъ своимъ свойствами корню, отпрыскомъ котораго въ силу наследственности онъ является. Отдельные же черты духовнаго склада, склонности и стремления формируются подъ влияниемъ воспитанія, семейныхъ особенностей жизни и общихъ соціальныхъ условий. Для апперцепціи характеровъ во всей психологической, эстетической и этической ихъ сложности подъ непрестаннымъ воздействиемъ вѣнчанихъ вліяній,— служить литературные типы. Тиль есть концентрація общихъ свойствъ, полученныхъ путемъ отвлечения отъ ряда сходныхъ индивидуальностей, въ главныхъ моментахъ. Подобіе составленія типовъ можно видѣть въ фотографіи, гдѣ посредствомъ закрѣпленія снимковъ въ разныхъ положеніяхъ получаются общиі типическій образъ, наиболѣе отвѣчающій главнымъ чертамъ оригинала въ общихъ чертахъ. Типы являются замѣстителями однородныхъ разрядовъ индивидуальностей, въ формѣ нераздѣльного синтеза абстрактныхъ и конкретныхъ началъ въ отдѣльныхъ образахъ, и знаменуютъ собою вѣчное движение жизни и ходъ внутренняго прогресса въ его отраженіяхъ на душевномъ складѣ людей.

Евгеній Іл'яровскій.
